DOI: 10.15643/libartrus-2021.1.3

Понятие «упражнения» и его связь со стоическим учением о критерии

© М. Б. Петров

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова Россия, 119991 Москва, Ленинские горы, 1.

Email: butagoodlife@gmail.com

В последние десятилетия активно обсуждается вопрос важности понятия упражнения в античной и, в частности, стоической философии. Вместе с тем известно, что из дошедших до нас источников основное внимание этой теме уделяется авторами Имперской Стои, что заставляет усомниться в ортодоксальности той части учения, которая касается понятия «упражнения». В данной статье предпринимается попытка показать, что тем не менее оно с самого начала играло в этой традиции ключевую роль. Примером тому служит длившийся около двух веков спор о критерии истины, в котором, как показано в статье, понятие «упражнения» помогло стоикам ответить на скептические возражения. Так, веря в разумное устройство и принципиальную постигаемость мира, стоики, хотя и соглашаются со скептиками в трудности отличить истинные представления от ложных, но тем не менее подчеркивают возможность научиться это делать путем практики и упражнения. Эпиктет прямо называет это умение искусством (τέχνη) и приводит в пример пробирщика серебра, который путем большой подготовки и труда приобрел способность отличать подлинную монету от фальшивки. С помощью этого и других сравнений стоики показывали возможность продвижения на пути познания, подчеркивая, что стоического мудреца от всех прочих людей отличает определенный навык (ars), приобретенный с помощью опыта (usus), который и позволяет ему безошибочно отличать истинные представления от ложных.

Ключевые слова: стоицизм, упражнение, учение о критерии, Эпиктет, впечатления, скептицизм, схватывающее впечатление, ранние стоики, теория познания, каталептическая фантазия.

В настоящее время стоическая философия набирает все большую популярность. Ежегодная конференция Stoicon, которая проходила в том числе и в Москве, многочисленные статьи в таких крупных изданиях, как The New York Times и The Economist, десятки и сотни тысяч подписчиков в крупнейших социальных сетях – все это лишь отчасти отражает процесс растущей популярности стоицизма. Между тем такого рода популярность имеет и свои негативные стороны. Так или иначе подавляющая часть стоического сообщества – это люди практически настроенные, и для них тексты Марка Аврелия и Эпиктета стоят в одном ряду с популярными книгами жанра self-help. Естественно, такого рода положение дел отводит на второй план тысячелетнюю укорененность стоической традиции и до известной степени лишает стоическую философию присущей ей глубины.

Между тем практический характер стоической философии не является чем-то привнесенным извне. Скорее наоборот, эта особенность лежит в самом основании учения. Важность тренировки, упражнения (ἄσκησις) всегда подчеркивалась стоическими авторами, и в наши дни на это обратили внимание такие ученые, как Пауль Раббов [19], Пьера Адо [8] и Джон Селларс [21]. Трудность, однако, кроется в том, что прямых свидетельств об этом в виде конкретных

источников из сочинений ранних авторов до нас практически не дошло, а тексты представителей Поздней Стои достаточно уязвимы с точки зрения их ортодоксальности.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы, опираясь главным образом на фрагменты сочинений ранних стоических авторов, показать, что понятие упражнения занимало серьезное место уже в ранний период существования стоической школы и, более того, сыграло очень важную роль в знаменитом споре скептиков и стоиков о критерии истины.

Итак, уже Адо замечает, что никаких списков упражнений, наподобие тридцатидневного курса Игнатия Лойолы до нас не дошло, хотя в античной литературе он видит много соответствующих аллюзий и склоняется к тому, что скорее всего они были частью устного учения [8, с. 83–84]. По его словам, такой список упражнений можно попытаться восстановить на основе двух трактатов Филона Александрийского: «Кто наследник божественного?» [17, с. 413] и «Аллегорические толкования» [18, с. 313]. Речь идет об упражнениях, благодаря которым (έξ άσκήσεως) Иаков, появившийся на свет чуть позже, получил благословение от отца вместо своего брата-близнеца Исава, не дорожившего им и претендовавшего на него лишь по праву первородства. Именно поэтому у Филона Иаков выступает символом пути аскезы (άσκητικῆς), тогда как Авраам – путем учения (διδασκαλικῆς) и Исаак – «природы» (φυσικῆς) [16, с. 30]. И хотя, как показывает финская исследовательница Уусемяки, описанные у Филона упражнения носят «стоический оттенок» и находят свое отражение в стоической теории [23, с. 283–285], тем не менее нет никаких ссылок на какие-то конкретные трактаты.

Если обратиться к стоической традиции, то единственное наиболее подробное описание того, в чем именно следует упражняться, мы находим лишь у автора 1-го века н. э. Аэтия (датировка, согласно [1]), который, приводя исконно стоическое [4, с. 9–18] определение мудрости (σοφία) (знание вещей божественных и человеческих – θείων τε καί άνθρώπινον έπιστήμη), пишет, что философия – это упражнение в науке о насущно необходимом, т.е. добродетели, которая, в свою очередь, делится на три рода соответствующих трем частям стоической философии – физике, этике и логике [32, Том II (1), с. 25]. Как замечает Броуэр [4, с. 19], и это замечание важно для дальнейшего рассуждения, это разделение философии проглядывает уже в самом определении мудрости, где знание соответствует логике (эпистемология у стоиков считалась разделом логики [31, с. 44]), дела божественные – физике, а человеческие – этике.

Позднее такое же отношение к философии мы встречаем у Эпиктета, который в одной из глав «Бесед», посвященной тому, в чем нам следует упражняться (ἀσκεῖσθαι) [33, с.157], перечисляет, как и Аэтий, те же места (τόποι). Однако среди них особо он выделяет то, что предназначено «совершенствующимся» и «касающеся незаблуждаемости и неопрометчивости, а именно – согласий (συγκαταθέσεις)» [33, с. 158]. В контексте классического разделения стоической философии на этику, логику и физику исследователи, как кажется, без колебаний относят последнее к логике [3, с. 34; 14, с. 117], а термины «согласия» или «одобрения» (συγκαταθέσεις), в свою очередь, прямо указывают на ее подраздел – эпистемологию [31, с. 44], знаменитое стоическое учение о критерии, коим является постигающее (букв. «схватывающее») впечатление или, как показывает Столяров [31, с. 54], представление (в первом варианте перевода подчеркивается телесный характер воспрития явления (оно оставляет «отпечаток» в душе ср. Теэтет 191с – 195а), во втором же оформляется в виде воспринимаемого разумом высказывания [31, с. 63]) (фаντασία καταληπτική). Отглагольное прилагательное от кαταλαμβάνω, буквально означающее «хватаю» (у Цицерона передано как «сотргенензіо, "по аналогии с тем, что берется рукой"» [27, с. 77], лучше всего иллюстрируется знаменитым

жестом основателя школы Зенона Китийского [27, с. 205]. Ханкинскон подчеркивает, что здесь речь идет именно о впечатлении, не «которое мы схватываем», но *с помощью которого* [9, с. 60]. Столяров пишет об этом так: «...будучи *объектом оценки* достоверное сохраняет, тем не менее, определенную *активность*» [32, Том 1, с. 51].

Здесь стоит отметить, что первая и главная тема Эпиктета - понять, что находится в нашей власти ($\acute{\epsilon}\phi'$ ἡ $\acute{\mu}$ $\~{i}$ ν), а что нет (ούκ $\acute{\epsilon}\phi'$ ἡ $\acute{\mu}$ $\~{i}$ ν) [33, с. 40]. К первому относится «правильное пользование представлениями (φαντασίαις), ко второму же – все остальное [33, с. 40]. Позже Сенека писал: «К одному пусть будут устремлены твои мысли, об одном заботься, одного желай, предоставив все прочие мольбы на усмотренье богу» [30, с. 38]. Иными словами, в нашей власти «устраивать то, что зависит от нас, а всем остальным пользоваться так, как оно есть по своей природе... так как хочет бог» [33, с. 41], а «бог – отец людей» [33, с. 45], и он ввел человека в мир не только созерцателем (θεατήν), но и истолкователем (έξηγητήν) своих творений [33, с. 50], и последнее - главное дело философа [33, с. 74] и добродетельного человека [33, с. 159]. Однако, как показывает Купер [5, с. 216], этим не доказывается предпочтительность созерцательного образа жизни [24, с. 179]. Исконно стоическое (как это показывает Броуэр [4, с. 9-18] определение «мудрость - знание дел божественных и человеческих» не делит мудрость подобно Аристотелю на практическую (φρόνησις) и теоритическую (σοφία). У стоиков даже стихотворение определялось как «стихи, имющие значение и содержащие изображения предметов божеских и человеческих» [25, с. 265]. Чтобы ложное не показалось истинным, а благо злом, и наоборот [33, с. 85], нам нужно не принимать никакое представление неисследуемым, но быть бдительными «как ночная стража» и требовать от каждого из них «опознавательного знака» (σύμβολον), который должен быть у представления, чтобы оно было принято (συνθήματα) [33, с. 174]. Единственный способ это осуществить - упражняться каждый день, чтобы никогда не принимать никакого представления, кроме представления постигающего (φαντασία καταληπτική) [33, с. 168]. Таким образом, согласно Эпиктету, возможность видеть обстоятельства такими, какие они есть на самом деле, напрямую зависит от того, что можно отнести к концентрации или внимательности (προσοχή), которую он предлагает упражнять каждый день и не перестает напоминать об этом как по ходу, так и отдельно уже в конце бесед [33, с. 262]. Важно отметить, что такого рода внимательность – дело практически недостижимое, и необходимо непрестанно контролировать себя, чтобы не совершать ошибок [33, с. 262]. Стоит лишь на миг утратить бдительность, и тогда будешь слепо следовать глупым порывам, и все потеряно [33, с. 263] ср. [6, с. 94] – внезапный порыв бокового ветра перевернет корабль, будь он хоть даже и в родной бухте. Последствия не заставят себя ждать, и вернуть внимательность будет не так просто [33, с. 262].

Можно сказать, что упражнение у Эпиктета играет ключевую роль [8, с. 84–85; 21, с.142], однако встает вопрос, насколько оно укоренено в стоической традиции, тем более, когда речь идет о таком основополагающем ее разделе, как эпистемология.

Известно, что учение о критерии было сформулировано первоначально основателем школы Зеноном Китийским примерно за четыре столетия до Эпиктета и затем строго оформлено третьим по счету главной школы Хрисиппом из Сол. В Афинах оно пользовалось большим почетом [32, Том I, с. 25–26] и вместе с тем на протяжении почти двух веков неизменным и самым пристальным вниманием со стороны находившихся всего в полутора километрах от знаменитого портика академиков, для которых критика догматического учения Стои стала одним из главных занятий [13, с. 6]. Если верить Нумению, этот спор Аркесилая и Зенона начался еще с тех пор, как они учились вместе у Полемона [32, Том I, с. 8–9].

В первую очередь нужно сказать, что для стоика душа человека при рождении представляет собой подобие чистого листа [14, с. 248; 32, Том II, с. 48]. Или, говоря словами Секста Эмпирика: «πάσα γάρ νόησις απο αίσθήσεως γίνεται ή ού χωρίς αίσθήσεως» [29, Том 1, с. 160]: «Всякое мышление (νόησις) появляется из чувственного восприятия (αίσθήσεως) или не без его участия» [31, с. 50]. Такого рода сенсуализм, однако, как было показано [11; 12, с. 134; 30], ограничивается тем, что стоики, по крайней мере начиная с Хрисиппа, разделяли учение о естественным образом формирующихся с момента рождения (но ни в коем случае не врожденных) ἔμφυτοι προλήψεις («укорененных предпонятий» или «потенциальных возможностей») [20, с. 134; 25, с. 263] о Боге и о добре и зле в самом общем смысле. К ним же относятся сама возможность и стремление разума познавать. И Столяров, и Лекке сравнивают их с кантовскими априорными формами чувственности. Вместе с тем, например, Навар [15, с. 9], не видит ничего невозможно в том, чтобы и эти понятия ввиду принципиальной телесности всего у Стоиков, также формировались через опыт. В этом смысле интересны слова платоника Халкидия, который описывает появление этих естественных убеждений о благе и зле тем, что само рождение доставляет неприятность, - ибо из теплого и влажного обиталища младенец перемещается на холод. Этой неприятности, словно медицинское средство, противостоит искусная забота повитух: они согревают новорожденных в теплой воде и создают для них обстановку, похожую по теплоте на материнскую утробу: в ней расслабленное тело разнеживается и успокаивается. Таким образом, из обоих ощущений, - страдания и удовольствия, - рождается некое естественное убеждение (opinio naturalis) в том, что все сладостное и приятное – это благо, а все, причиняемое страданием, - это зло и то, чего нужно избегать [32, Том III (1), с. 84-85].

Объект впечатления (το φανταστὸν), воздействуя на наши чувства (τὰς αίσθήσεις), создает отмечает Столяров [31, с. 51], такой перевод более точен, т.к. передает характерную для учения стоиков телесность фантазии, которая буквально отпечатывается в душе (подобно отпечатку на воске, ср. с Теэтетом Платона [28, с. 299-305]). В случае же, если человек «страдает безумием или умопомрачением», а как показывает Грейвер, для греков человек в таком состоянии уже абсолютно невменяем [7, с. 123-124], вместо реального объекта впечатления таковым выступает иллюзия (ϕ άντασμα) и возникает мнимое впечатление (ϕ ανταστικόν) [32, Том II, с. 33-35]. Поэтому и Хрисипп говорил, что добродетель может быть потеряна из-за пьянства и меланхолии [25, с. 284], но воспрепятствовать этому может только устойчивость наших постижений. И напротив, истинное, «постигающее (схватывающее) впечатление» (φαντασία καταληπτική) (1) возникает со стороны действительно существующего (από τοῦ ὑπάρχονтоς) [32, Том II, с. 39], оно (2) запечатлено (έναπομεμαγμένη), отпечатлено (έναπεσφραγισμένη) [29, с. 111] и «напечатлено» (έναποτετυπωμένη) [25, с. 229], у Цицерона: impressum et signatum et effictum [27, c. 147], искусно и во всех подробностях (τεχνικώς): «ίνα πάντα τεχνικώς τά ιδιώματα τών φανταστών» [29, с. 111], (3) «очевидно и броско» (εναργής... καί πληκτικός); «ясно» (τρανής), «отчетливо (ἕκτυπος») и «интенсивно» ἕντονος [25, с. 229; 29, с. 112-113, 142]. Исследователи (Фреде, Лекке, Навар) склоняются к тому, что, судя по всему, между этими последними четырьмя, напоминающими «ясность и отчетливость». Нужно, однако, отметить, что первое из них εναργής, как показывает Навар – употреблялось чаще в эллинистических спорах о критерии. И еще, на фоне второго пункта все приведенные характеристики так же очень ярки, например, Πληκτικός означает «готовый наносить удары», причем словарь Дворецкого прибавляет, что речь может идти о скорпионе (к слову о рогатой змее Секста Эмпирика), ἔκτυπος – рельефный.

Нужно отметить, что (1) ὑπάρχον – стоический термин [2, с. 302–304], обозначающий данную, уникальную [32, Том I, с. 32-33] и наличную телесную предметность. «Среди всех вещей нельзя найти ни двух одинаковых волос, ни двух похожих зерен», [32, Том II (1), с. 61]; Столяров отмечает это [32, Том I, с. 33], именно пишет: «Сфера применения «постигающего представления» - это абсолютное «здесь и сейчас»... единичное пре жде общего». Как в другом месте замечает Столяров: «Стоическая онтология (если вообще вести речь о таковой) регистрирует не "сущности" (в смысле абстрактных бытийственных единиц), но наличные состояния, или явления» [31, с. 102]. Как показывает Стоянович [22], речь всегда идет не просто об абстрактном объекте впечатления (φανταστὸν), но о находящимся в контексте со всеми присущими этому состоянию свойствами (ποιότες). Например, в случае с ситуациями, когда «Дион гуляет» или «Дион сидит» [32, Том II (1), с. 269], важно то, что имеется в виду конкретный человек по имени Дион. Этот же автор предлагает рассматривать в таком ключе и высказывания наподобие «Он благородно выдержал» [33, с.168], т.е. содержащие нравственную оценку, что, хотя и согласуется вполне с тем, что описывает Эпиктет, но, к сожалению, ввиду отсутствия необходимых ранних источников не может быть окончательно подтверждено, хотя Диоген Лаэртий пишет, что в этом разделе устанавливается различие между представлениями «всякого рода» (τῶν φαντασιῶν διαφορὰς) [25, c. 260].

Из второго (2) пункта следует, что постигающее впечатление раскрывает явление в полной мере и передает уникальную особенность этого явления, и, как отмечает Лекке, как Сократа («сократовость»), так и все, что есть во Вселенной носит на себе печать уникальности [12, с. 33]. Или, приводя слова Цицерона: «Все существует в своем роде (sui generis), и ни одна вещь не тождественна другой, что является иным... в природе нет ни одного во всех отношениях одинакового волоса, ни одного одинакового зернышка» [27, с. 153].

Заметить характерную особенность чего-либо – один из признаков постигающего впечатления, которое, по загадочному сравнению Секста Эмпирика, отличается от остальных, как «рогатые змеи» от «прочих змей» [29, с. 112].

Соответственно третий (3) пункт, указывающий на ясность и четкость постигающего впечатления, необходим как раз для того, чтобы все эти особенности были четко различимы.

Возражение Аркесилая, высказанное Зенону «не из желания умалить его заслуги, а потому что он хотел найти истину», состоит в том, что «нет представления, отражающего истинное, которое не могло бы совпадать с таким же, исходящим от ложного» [27, с. 147], и скептикам не составило труда привести множество примеров, в которых человек не способен отличить «постигающее представление» от мнимого. Вот три наиболее известные из них:

- 1. «Например, из двух яиц, совершенно похожих одно на другое, я даю стоику поочередно каждое для решения; сможет ли мудрец, взглянув на него, сказать безошибочно, одно и то же показывается ему яйцо или то одно, то другое?» [29, с. 143].
- 2. «Скажи, пожалуйста, а что, Лисипп из той же самой бронзы, теми же самыми средствами, в тех же условиях не мог бы сделать сто одинаковых Александров?» [27, с. 153–155].
- 3. И наконец, самое ожидаемое возражение в таких случаях: «Что мы видим во сне, не отличается от того, что мы видим, бодрствуя.

Интересно заметить, что это сильно напоминает Юма: «Таким образом, оказывается, что вера, или согласие, всегда сопровождающая память и чувства, есть не что иное, как живость (vivacity) доставляемых ими восприятий, и что только эта живость и отличает их от

воображения» [34, с. 142]. Разрушительность этого возражения, как удачно замечает Ханкинсон, может быть ослаблена тем обстоятельством, что человек, подумав во сне, что не спит, и тем самым совершит ошибку, может тем не менее с равным успехом оказаться прав, если он, и правда, не спит. Значит, нельзя совсем исключить возможность того, что мы все же воспринимаем вещи такими, какие они есть, особенно, если учесть веру стоиков в разумное устройство и принципиальную постигаемость мира.

На мой взгляд, ответы на эти три скептичеких возражения могут, по крайней мере, косвенно дать представление о том, какую роль играют здесь упражнения.

- 1. А тем не менее известно, что на Делосе в годы его процветания было очень много людей, которые разводили на продажу множество кур, и эти люди, взглянув на яйцо, могли сказать, какая курица его снесла.
- 2. Художник видит то, чего мы не видим, и стоит флейтисту издать первый звук, как опытное ухо распознает мелодию.
- 3. ...такое отличие существует, мысли и чувства спящих и бодрствующих обладают не одинаковой силой и ценностью [27, с. 97–99, 102–106, 127].

Эпиктет также приходил в недоумение, называя такую неспособность различать «притворством» [33, с. 48]. А много позже и Юм говорил о том, что «живость (vivacity) восприятий отличает их от воображения» [34, с. 142].

Иными словами: «...как по отношению к остальным вещам он (мудрец) обладает неким навыком (ars), позволяющим ему отличать истинное от ложного, так относительно подобного сходства необходим опыт (usus)» [27, с. 130–131]. Здесь же уместно вспомнить и про разделение представлений на деловые и неделовые: так, ваятель на изваяние смотрит иначе, чем неваятель [25, с. 262].

Цицерон в своем сочинении «Об обязанностях», которое, как известно, является переложением трактата Панэтия и было предназначено для его изучающего философию сына и которое, как замечает Гизела Страйкер, ему не дали отредактировать политические обстоятельства, говорит, что «обязанности», нравственно приемлемые поступки различаются людьми так: «толпа обыкновенно не понимает, что именно не соответствует совершенному, а в пределах, в каких она это понимает, думает, что не пропущено ничего. Это же происходит и в поэзии, в живописи и во многих других искусствах: неискушенные люди получают удовольствие и хвалят то, что похвалы не заслуживает, хвалят, пожалуй, по той причине, что эти произведения содержат крупицу хорошего, привлекающую несведущих людей, которые в то же время не в силах судить о недостатках, кроющихся в каждой вещи. Поэтому они, получив разъяснения от искушенных людей, легко отказываются от своего мнения» [26, с. 127–128].

Так же и Сенека называет эту первичную способность различать хорошее и плохое лишь «семенами знания», и «образ добродетели... создается благодаря наблюдению и сравнению часто совершаемых поступков; наши полагают, что и честность, и благо постигаются посредством аналогии» [30]. Научиться различать эти вещи, согласно Сенеке, не так-то просто, ведь «есть пороки, смыкающиеся с добродетелями, а самое постыдное, самое пропащее похоже порой на должное и правильное. Так, расточитель прикидывается щедрым, хотя между умеющим одарять и не умеющим беречь разница огромная»... «Равнодушие притворяется уступчивостью, наглость – смелостью» [30].

В последнем же письме он говорит: «Однако то, что согласно с природой, что дается тотчас после рождения, я называю не благом, а началом блага» [30, 124.7] ...так и благо человека есть

лишь в том человеке, чей разум уже достиг совершенства» [30, 124.11]. И достигается оно стараниями и упорством: «И хорошо еще, если старости удалось достичь его ценою долгих и упорных стараний. А если это так, значит, благо умопостигаемо» [30, 124.12]. Ведь богов довела до совершенства сама природа, а благо людей совершенствуется их усилиями [30, 124.14].

Таким образом, можно сделать вывод, что понятие упражнения может быть обнаружено уже в раннем учении стоиков об эпистемологии, что показывает его глубокую укорененность в стоической традиции. Иными, словами, как замечает Лекке [12, с.73], постигающее впечатление для скептика невозможно, потому что они говорят о человеке неподготовленном, о том, как именно у такого человека формируется постигающее впечатление. В то время как стоики показывают, как оно должно формироваться. Исследователь Навар в своей работе говорит еще более ясно: тот факт, что мы можем перепутать сон и явь еще не означает, что мы не можем научиться их не путать, если только отнесемся к этому достаточно внимательно [15, с.19].

Слова Эпиктета, сказанные о том же предмете по меньшей мере веком позже, звучат практически в унисон: «...какое искусство (τέχνην) для этого мы изобрели... сколькими способами пользуется пробирщик серебра для одобрения монеты... он прислушивается к звучанию... долгим внимательным (προσοχῆς) прислушиванием доводит свой слух до музыкальной тонкости» [33, с. 74]. Видится, что, говоря о том, что искусство различать представления «требует большой подготовки, большого труда», Эпиктет повторяет нечто, лежащее в основе учения школы и, видимо, поэтому на просьбу более подробно изложить предмет, говорит прямо: «...прочитай сочинения Зенона и увидишь» [33, с. 75].

Литература

- 1. Aetiana: The Method and Intellectual Context of a Doxographer: The Sources (Philosophia Antiqua). 1997.
- 2. The Cambridge History of Hellenistic Philosophy / Ed. K. Algra, J. Barnes, J. Mansfeld, M. Schofield. Cambridge: Cambridge University Press, **1999**.
- 3. Barnes J. Logic and the Imperial Stoa. Leiden: Brill, 1997.
- 4. Brouwer R. *The Stoic Sage: The Early Stoics on Wisdom, Sagehood and Socrates (Cambridge Classical Studies).*Cambridge: Cambridge University Press, **2013**.
- 5. Cooper J. M. *Pursuits of Wisdom: Six Ways of Life in Ancient Philosophy.* Princeton: Princeton University Press, **2012**.
- 6. King C. Musonius Rufus: Lectures and Sayings / Ed. W. B. Irvine. Create Space, **2011**.
- 7. Graver M. *Stoicism & emotion*. Chicago: University of Chicago Press, **2007**.
- 8. Hadot P., Davidson A. I. *Philosophy as a way of life: Spiritual exercises from Socrates to Foucault.* Malden, MA: Blackwell, **1995**.
- 9. Hankinson R. J. Stoic Epistemology // Inwood B. *The Cambridge Companion to the Stoics*. Cambridge: Cambridge University Press, **2003**.
- 10. von Arnim H. F. A. Stoicorum veterum fragmenta. Vol. I–IV. Leiden, 1964.
- 11. Jackson-McCabe M. The Stoic Theory of Implanted Preconceptions // Phronesis. **2004**. Vol. 49. No. 4. Pp. 323–347.
- 12. Løkke H. Knowledge and Virtue in Early Stoicism. Springer, 2015.
- 13. Long A. A., Sedley D. N. The Hellenistic Philosophers. In 2 vols. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- 14. Long A. A. Epictetus: A Stoic and Socratic Guide to Life. Oxford: Oxford University Press, 2002.
- 15. Nawar T. The Stoic Account of Apprehension // Philosophers' Imprint. 2014. Vol. 14. Pp. 1-21.
- 16. Philo of Alexandria. On Abraham. On Joseph. On Moses. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1935.
- 17. Philo of Alexandria. *On the Confusion of Tongues. On the Migration of Abraham. Who Is the Heir of Divine Things? On Mating with the Preliminary Studies.* Cambridge, MA: Harvard University Press, **1932**.

- 18. Philo of Alexandria. *On the Creation. Allegorical Interpretation of Genesis 2 and 3.* Cambridge, MA: Harvard University Press, **1929**.
- 19. Rabbow P. Seelenführung. Methodik der Exerzitien in der Antike. München: Kösel, 1954.
- 20. Rist J. M. *The Stoics*. Berkeley: University of California Press, **1978**.
- 21. Sellars J. The Art of Living: The Stoics on the Nature and Function of Philosophy. Ashgate, 2003.
- 22. Stojanovic P. Epictetus and Moral Apprehensive Impressions in Stoicism. 2014.
- 23. Uusimäki E. Mind in Training: Philo of Alexandria on Jacob's Spiritual Exercises // Journal for the Study of the Pseudepigrapha. **2018**. Vol. 27. No. 4. Pp. 265–288.
- 24. Аристотель. Никомахова этика. М., 1984. Т. 4. С. 54-293.
- 25. Диоген Лаэртий. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. 2-е изд. М., 1986.
- 26. Цицерон М. Т. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 1993.
- 27. Цицерон М. Т. Учение академиков. М.: Индрик, 2004.
- 28. Платон. Теэтет. М.: Мысль, 1932. Т. 2. С. 192-274.
- 29. Секст Эмпирик. Сочинения / Под ред. А. Ф. Лосева. М.: Наука, 1975. Т. 1-2. С. 76.
- 30. Сенека Л. А. Нравственные письма к Луцилию. М.: Наука, 1977.
- 31. Столяров А. А. *Стоя и стоицизм.* М.: КАМИ Груп, **1995**. 444 с.
- 32. Фрагменты ранних стоиков: В 3 т. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1998-2010.
- 33. Эпиктет. Беседы Эпиктета. М.: Ладомир, 1997. 412 с.
- 34. Юм Д. Трактат о человеческой природе. М., 1995. Т. 1.

Поступила в редакцию 26.01.2021 г. После доработки – 20.02.2021 г. DOI: 10.15643/libartrus-2021.1.3

The concept of "exercise" and its relation to the stoic doctrine of criterion

© M. Petrov

Lomonosov Moscow State University 1 Leninskie Gory, 119991 Moscow, Russia.

Email: butagoodlife@gmail.com

In the last decades, the question of the importance of the notion of exercise in ancient and, in particular, Stoic philosophy has been actively discussed. At the same time, it is well-known that according to the sources at our disposal the authors of the Imperial Stoa devoted most of their attention to this subject, which raises doubts about its orthodoxy. The author of the article attempts to show that it nevertheless played a key role in this tradition from the very beginning. An example of this is the dispute about the criterion of truth that lasted for about two centuries, in which, as it will be shown in the article, the concept of "exercise" helped the Stoics to repel skeptical objections. Thus, believing in the rational structure and fundamental comprehensibility of the world, the Stoics, while agreeing with the skeptics about the difficulty of distinguishing true impressions from false, nevertheless emphasize the possibility of learning to do so through practice and exercise. Epictetus explicitly calls this skill an art $(\tau \acute{\epsilon} \chi v \eta)$ and gives the example of the silver assayer, who, through much preparation and labor, acquires the ability to distinguish genuine coin from counterfeit. With this and other comparisons, the Stoics showed the possibility of advancement on the path of knowledge, emphasizing that the Stoic sage is distinguished from all other men by a certain skill (ars) acquired through experience (usus), which enables him unmistakably distinguish true impressions from false.

Keywords: Stoicism, exercise, criterion of truth, Epictetus, impressions, skepticism, cognitive impression, early Stoics, theory of knowledge, katalepsis.

 $Published \ in \ Russian. \ Do \ not \ he sit at e \ to \ contact \ us \ at \ e \ dit @libartrus. com \ if \ you \ need \ translation \ of \ the \ article.$

Please, cite the article: Petrov M. The concept of "exercise" and its relation to the stoic doctrine of criterion // Liberal Arts in Russia. 2021. Vol. 10. No. 1. Pp. 32–41.

References

- 1. Aetiana: The Method and Intellectual Context of a Doxographer: The Sources (Philosophia Antiqua). 1997.
- 2. *The Cambridge History of Hellenistic Philosophy*. Ed. K. Algra, J. Barnes, J. Mansfeld, M. Schofield. Cambridge: Cambridge University Press, **1999**.
- 3. Barnes J. Logic and the Imperial Stoa. Leiden: Brill, 1997.
- 4. Brouwer R. *The Stoic Sage: The Early Stoics on Wisdom, Sagehood and Socrates (Cambridge Classical Studies).* Cambridge: Cambridge University Press, **2013**.
- 5. Cooper J. M. Pursuits of Wisdom: Six Ways of Life in Ancient Philosophy. Princeton: Princeton University Press, 2012.
- 6. King C. Musonius Rufus: Lectures and Sayings. Ed. W. B. Irvine. Create Space, 2011.
- 7. Graver M. Stoicism & emotion. Chicago: University of Chicago Press, 2007.
- 8. Hadot P., Davidson A. I. *Philosophy as a way of life: Spiritual exercises from Socrates to Foucault.* Malden, MA: Blackwell, **1995**.
- 9. Hankinson R. J. Inwood B. *The Cambridge Companion to the Stoics*. Cambridge: Cambridge University Press, **2003**.

- 10. von Arnim H. F. A. Stoicorum veterum fragmenta. Vol. I-IV. Leiden, 1964.
- 11. Jackson-McCabe M. Phronesis. 2004. Vol. 49. No. 4. Pp. 323-347.
- 12. Løkke H. Knowledge and Virtue in Early Stoicism. Springer, 2015.
- 13. Long A. A., Sedley D. N. The Hellenistic Philosophers. In 2 vols. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- 14. Long A. A. Epictetus: A Stoic and Socratic Guide to Life. Oxford: Oxford University Press, 2002.
- 15. Nawar T. *Philosophers' Imprint.* **2014**. Vol. 14. Pp. 1–21.
- 16. Philo of Alexandria. On Abraham. On Joseph. On Moses. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1935.
- 17. Philo of Alexandria. *On the Confusion of Tongues. On the Migration of Abraham. Who Is the Heir of Divine Things? On Mating with the Preliminary Studies.* Cambridge, MA: Harvard University Press, **1932**.
- 18. Philo of Alexandria. *On the Creation. Allegorical Interpretation of Genesis 2 and 3.* Cambridge, MA: Harvard University Press, **1929**.
- 19. Rabbow P. Seelenführung. Methodik der Exerzitien in der Antike. München: Kösel, 1954.
- 20. Rist J. M. The Stoics. Berkeley: University of California Press, 1978.
- 21. Sellars J. The Art of Living: The Stoics on the Nature and Function of Philosophy. Ashgate, 2003.
- 22. Stojanovic P. Epictetus and Moral Apprehensive Impressions in Stoicism. 2014.
- 23. Uusimäki E. Journal for the Study of the Pseudepigrapha. 2018. Vol. 27. No. 4. Pp. 265-288.
- 24. Aristotle. Nikomakhova etika [Nicomachean ethics]. Moscow, 1984. Vol. 4. Pp. 54–293.
- 25. Diogenes Laertius. *O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitykh filosofov [Lives, teachings, and sayings of famous philosophers].* 2 ed. Moscow, **1986**.
- 26. Cicero M. T. O starosti. O druzhbe. Ob obyazannostyakh [On old age. On friendship. On duties]. Moscow: Nauka, 1993
- 27. Cicero M. T. Uchenie akademikov [The doctrine of academicians]. Moscow: Indrik, 2004.
- 28. Platon. Teetet [Theaetetus]. Moscow: Mysl', 1932. Vol. 2. Pp. 192-274.
- 29. Sextus Empiricus. Sochineniya [Works]. Ed. A. F. Loseva. Moscow: Nauka, 1975. Vol. 1-2. Pp. 76.
- 30. Seneca L. A. Nravstvennye pis'ma k Lutsiliyu [Moral letters to Lucilius]. Moscow: Nauka, 1977.
- 31. Stolyarov A. A. Stoya i stoitsizm [Stoa and stoicism]. Moscow: KAMI Grup, 1995.
- 32. *Fragmenty rannikh stoikov: V 3 t. [Excerpts from the early Stoics: In 3 volumes].* Moscow: Greko-latinskii kabinet Yu. A. Shichalina, 1998–2010.
- 33. Epiktet. Besedy Epikteta [Discourses of Epictetus]. Moscow: Ladomir, 1997.
- 34. Hume D. Traktat o chelovecheskoi prirode [A treatise of human nature]. Moscow, 1995. Vol. 1.

Received 26.01.2021. Revised 20.02.2021.